

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 1**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 1 / Нет автора – М.: Книга по Тре-
бованию, 2021. – 318 с.

ISBN 978-5-458-04651-0

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04651-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

О задачахъ журнала.

Въ наше время выходитъ такъ много журналовъ, печатается столько книгъ и накопилось такое необозримое множество старыхъ, болѣе или менѣе цѣнныхъ, произведеній человѣческой мысли и слова, что каждое новое литературное предпріятіе требуетъ особаго оправданія. Нельзя разсматривать печатное слово только съ точки зрѣнія духовныхъ (мы уже не говоримъ, вещественныхъ) интересовъ писателей, въ лучшемъ случаѣ пишущихъ и издающихъ свои произведенія для удовлетворенія потребности высказаться, воплотить въ слово свою мысль, выразить совокупность своихъ знаній и опытовъ, стремленій и чувствъ. Каждая книга, по свойству общественныхъ отношеній, связывающихъ людей, налагаетъ своимъ выходомъ извѣстныя обязательства на читателей, для которыхъ она предназначена. Даже если она плохая, нѣкоторое число людей все-же потратитъ время и силы на то, чтобы убѣдиться въ ея недоброкачественности, не говоря уже о возможности дурного вліянія ея на взгляды и вкусы читателя, неспособнаго оцѣнить ее по достоинству.

Поэтому желательно развитіе въ писателяхъ большаго сознанія той нравственной отвѣтственности, которую они берутъ на себя, выпуская въ свѣтъ свои сочиненія, чѣмъ какая въ настоящее время замѣчается. И это относится особенно къ

предпринимателямъ новыхъ повременныхъ изданій, такъ какъ здѣсь взаимныя обязательства писателей и читателей отчасти устанавливаются заранѣе, на основаніи довѣрія, и такимъ образомъ предваряютъ то фактическое оправданіе, которое могутъ себѣ найти впоследствии.

Сознавая свою отвѣтственность въ этомъ отношеніи, мы обязаны прежде всего объяснить, какія основанія руководили лицами, рѣшившимися на веденіе этого новаго журнала.

Всякая дѣятельность человѣческая проистекаетъ отчасти изъ *личныхъ, субъективныхъ* источниковъ; но для того, чтобы оправдать изданіе новаго журнала, требующаго отъ общества извѣстныхъ жертвъ, едва-ли было-бы достаточно одной ссылки на субъективную потребность нѣкоторой группы лицъ создать для себя органъ, чрезъ который они могли-бы проводить въ общество свои особые взгляды, сообщать ему свои особые знанія и наблюденія. Нѣтъ сомнѣнія, что существующіе у насъ періодическіе органы не исчерпываютъ всѣхъ наличныхъ теченій общественнаго сознанія и не даютъ мѣста для выраженія нѣкоторыхъ вновь возникающихъ у насъ направленій мысли и общественныхъ стремленій. Но одинъ субъективный фактъ обладанія нѣкоторыми особыми взглядами и чаяніями, еще не даетъ никому права считать себя носителемъ новыхъ общихъ стремленій и рассчитывать по этому поводу на постоянное вниманіе цѣлаго общества: мысли его могутъ быть ошибочны, стремленія неправильны.

Поэтому въ основаніи этого новаго печатнаго предпріятія положены не только личныя потребности, но и совершенно объективныя и тщательно провѣренныя побужденія, и мы надѣемся, что наше дѣло можетъ быть признано, въ этомъ смыслѣ, нѣкоторымъ, хотя-бы и скромнымъ и маленькимъ, общественнымъ начинаніемъ.

Смыслъ его, по нашему глубокому убѣжденію, слѣдующій.

Не только русское общество, но и все человѣчество переживаетъ давно—уже нѣсколько десятилѣтій—тяжелый переходный моментъ въ своемъ духовномъ развитіи. Мы не боимся повторенія этой мысли, признаваемой многими избытою, такъ

какъ она истинна и такъ какъ нѣтъ ничего удивительнаго, что человѣчество не можетъ проходить такіе моменты развитія въ теченіе мѣсяцевъ или немногихъ лѣтъ, какъ отдѣльная личность,—а должно, по сложности своего общаго цѣлаго, на всякій періодъ своего роста употреблять десятилѣтія. И вотъ уже давно тянется, особенно на Западѣ, во многихъ отношеніяхъ ненормальная, неестественная жизнь, напряженная по своему процессу и повидимому ничтожная по своимъ нравственнымъ результатамъ. Съ одной стороны, впрочемъ, результаты безспорно великіе: положительныя науки въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ сдѣлали такіе громадныя успѣхи, которые чуть-ли не превосходятъ все достигнутое ими прежде въ теченіе столѣтій. Технические изобрѣтенія до того неожиданны и блестящи, что побѣды человѣческаго духа и въ этой области въ краткій срокъ превзошли все, что достигалось ранѣе вѣками въ смыслѣ внѣшнихъ усовершенствованій жизни.

И при всемъ томъ, счастье человѣчества не только не возрасло, но скорѣе пошло на убыль, какъ то доказываютъ и безнадежныя ученія о жизни, возникающія и особенно быстро распространяющіяся въ наше время. Возрѣніе на жизнь конечно самый глубокій и важный нервъ существованія человѣчества, и это именно возрѣніе на жизнь въ наше время является не только особенно смутнымъ и сбивчивымъ, но и безотраднымъ. Да и какъ не быть ему таковымъ, когда рядомъ съ усовершенствованными телефонами и другими необыкновенно быстрыми и удобными средствами общенія людей, ежедневно изобрѣтаются и заготовляются страшныя по своему разрушительному дѣйствию средства ихъ будущаго безпощаднаго истребленія,—когда взаимная любовь и свободное взаимодействіе людей во имя высшихъ задачъ не только не возрастаютъ, а все болѣе слабѣютъ и подвергаются ограниченіямъ вслѣдствіе роковыхъ недоразумѣній, развивающихъ злобу и коварство.

Поэтому не удивительно, что въ наше время иные умы отворачиваются отъ громадныхъ результатовъ современной науки и цивилизаціи, и призываютъ людей поскорѣе забыть все, что они изобрѣли, и возвратиться въ первобытное

и невинное состояніе относительнаго невѣдѣнія, соединеннаго съ самою простою, доброю жизнью.

Однако эти призывы представляютъ безъ сомнѣнія обратную крайность, ибо отъ разума своего человѣку отречься невозможно,—обвинять знаніе въ томъ, что оно служитъ исключительно злу, несправедливо,—желать уничтожить то, что утвердилось какъ фактъ, бесплодно.

Въ томъ самомъ знаніи, въ томъ самомъ разумѣ, которые доводятъ человѣка до злоупотребленій, можетъ-быть лежить и источникъ его спасенія. Нужно только направить силы познанія въ ту сторону, гдѣ оно можетъ найти источники добра и разумѣнія жизни.

Настоящая причина переживаемаго человѣчествомъ кризиса не состоитъ-ли именно въ томъ, что въ теченіе многихъ десятилѣтій главное его вниманіе направлялось на ту область познанія, которая черпаетъ свой матеріалъ во внѣшнемъ опытѣ? Другая-же обширная область познанія дѣйствительности, путемъ внутренняго чувства и опыта, чрезъ которые можетъ-быть лишь и открывается намъ жизнь въ ея истинномъ корнѣ, въ ея внутреннемъ содержаніи и значеніи, оставлена была въ нѣкоторомъ небреженіи. Такая односторонность въ свое время принесла пользу, такая спеціализація конечно и была причиною громаднаго и быстрого успѣха наукъ внѣшняго опыта и великихъ изобрѣтеній, ими вызванныхъ. Но въ интересахъ самого-же знанія, его широты и всесторонности, а еще болѣе въ интересахъ нравственной жизни человѣчества, все болѣе и болѣе разстраивающейся и вступающей на путь уродливыхъ уклоненій, нельзя долѣе откладывать возможныхъ усилій съ цѣлью привлеченія вниманія общества къ разработкѣ иныхъ проблемъ и задачъ, чѣмъ какими занимаются науки внѣшняго опыта.

Рѣчь идетъ, какъ можетъ догадаться читатель, о томъ знаніи, о тѣхъ пріемахъ его пріобрѣтенія и направленіяхъ его разработки, которые подразумеваются въ терминахъ *философій* и *психологій*. Психологія есть тоже наука спеціальная, но изучающая явленія жизни съ ихъ внутренней, въ само-

сознаніи открывающейся стороны. Если она и пользуется для своихъ изслѣдованій внѣшнимъ опытомъ, то лишь какъ орудіемъ вспомогательнымъ, дающимъ средства, чрезъ изученіе внѣшнихъ знаковъ, выраженій, условій и орудій жизни, глубже проникать въ ея внутреннее содержаніе и точнѣе истолковывать показанія самосознанія. Это признаютъ даже и психологи-эмпирики, пытающіеся построить систему этой науки всецѣло на основаніи опыта. „Предметъ психологіи,—говорятъ они,—не есть нѣчто такое, что мы можемъ найти непосредственно даннымъ вѣкъ насъ, а есть то, что мы сознательно или безсознательно переносимъ изъ себя на другія существа“ *).

Однако психологія, какъ спеціальная наука внутренняго опыта, сама по себѣ еще не можетъ разрѣшить задачи уясненія смысла и законовъ жизни. Психологія, какъ спеціальная наука, даетъ только самый важный матеріалъ, а отчасти и методъ для уясненія нѣкоторой части проблемы жизни. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, для всесторонняго разрѣшенія этой задачи, необходимо привлечь къ дѣлу всѣ выводы и ученія другихъ спеціальныхъ наукъ и попытаться этимъ путемъ построить цѣльное, чуждое логическихъ противорѣчій, ученіе о мірѣ и о жизни, способное удовлетворить не только требованіямъ нашего ума, но и запросамъ нашего сердца. Такъ опредѣляетъ задачи философіи въ своемъ новомъ сочиненіи „Система философіи“ одинъ изъ величайшихъ авторитетовъ современнаго естествознанія и положительныхъ методовъ науки Вильгельмъ Вундтъ, новое произведеніе котораго является неожиданностью для его поклонниковъ и блестящимъ образомъ подтверждаетъ еще разъ, какъ неотразима и велика въ человѣческомъ духѣ потребность синтеза знаній въ цѣльное міровоззрѣніе. Самъ Вильгельмъ Вундтъ, одинъ изъ главныхъ представителей современной экспериментальной науки и въ частности экспериментальной психологіи, выпускаетъ въ свѣтъ толстый томъ „Системы философіи“ и пытается оправдать необходимость *метафизики*,

*) Н. Höffding „Psychologie in Umrissen auf Grundlage der Erfahrung“. Leipzig, 1887, стр. 14 (uebers. v. F. Bendixen).

хотя и съ нѣкоторыми оговорками относительно значенія этого термина.

Мы не будемъ здѣсь подробно разбирать воззрѣній упомянутаго писателя *). Для насъ достаточно, что и строгіе приверженцы спеціальнаго знанія и экспериментальной науки признають необходимость не откладывать долѣе задачи построения цѣльнаго философскаго ученія о мірѣ и о жизни, для удовлетворенія требованій нашей мысли и чувства.

Мы тоже глубоко убѣждены, что ближайшая и самая насущная потребность современнаго человѣчества состоитъ именно въ томъ, чтобы приобрести, — на почвѣ всесторонней философской критики данныхъ науки и при участіи особой творческой работы мысли, имѣющей въ основаніи своемъ законы логики, — такое ученіе о жизни, которое-бы дало человѣку вновь болѣе прочныя и ясныя начала для его нравственной дѣятельности, чѣмъ какими оно обладаетъ въ настоящую минуту. И приобретение такого или такихъ ученій особенно важно для насъ, русскихъ, которые еще не жили своимъ умомъ въ области отвлеченныхъ вопросовъ знанія и жизни, и слѣдовали до сихъ поръ съ большимъ или меньшимъ увлеченіемъ разнороднымъ направленіямъ философскаго умозрѣнія на Западѣ, безпрестанно мѣняя своихъ кумировъ и такъ-же быстро въ нихъ разочаровываясь, какъ и обольщаясь ими.

Ради этой-то общественной потребности мы и предприняли изданіе особаго *русскаго* журнала по вопросамъ философіи и психологіи. Но задача наша новая и въ высшей степени трудная **).

Изъ того факта, что мы считаемъ дѣло свое обществен-

*) Критическому разбору книги Вундта будетъ посвящена особая статья въ одной изъ слѣдующихъ книгъ журнала.

**) Мы должны впрочемъ оговориться здѣсь, что *первая* попытка основанія русскаго философскаго журнала была сдѣлана въ 1886 году профес. Козловымъ въ Кіевѣ. Но эта почтенная попытка нашего товарища, а теперь одного изъ главныхъ сотрудниковъ нашихъ, носила нѣсколько иной характеръ — характеръ чисто личнаго, а не коллективнаго предпріятія. Еще три года тому назадъ почтенный А. А. Козловъ былъ настолько одинокъ въ своей философской проповѣди, что не могъ дать дѣлу ту болѣе широкую организацію, которую мы нынѣ пытаемся осуществить.

нымъ, т.-е. хотимъ и надѣмся вложить свою лепту въ развитіе самосознанія русскаго общества, вытекаетъ для насъ прежде всего задача не замыкаться въ сферу узкихъ, совершенно спеціальныхъ интересовъ нашей науки. Какъ мы уже и заявляли неоднократно *), мы хотимъ дать новый органъ, съ особеннымъ содержаніемъ и задачами, той части русскаго образованнаго общества, которая стремится къ болѣе глубокому анализу вопросовъ жизни. Впрочемъ, вопросами философіи интересуется всякій образованный человѣкъ, и это понятно, если принять во вниманіе значеніе философскихъ ученій для практической жизни.

Исходя изъ необходимости сдѣлать журналъ доступнымъ для всего образованнаго общества, мы озаботились прежде всего тѣмъ, чтобы программа его была какъ можно шире. Въ немъ будутъ подлежать обсужденію не только вопросы спеціально-философскіе, но и вопросы другихъ наукъ, насколько каждая изъ нихъ имѣетъ и должна имѣть свою философію, а также и задачи искусства, насколько онѣ доступны обсужденію съ философской и психологической точекъ зрѣнія. Мы надѣмся также современемъ, какъ видно и изъ программы журнала, сдѣлать въ немъ предметомъ анализа не только *общія начала* знанія, жизни и художественнаго творчества, но и *отдѣльныя явленія* науки, жизни и искусства, способныя давать матеріалъ для уясненія этихъ началъ.

Но нелегко сдѣлать изслѣдованіе вопросовъ философіи доступнымъ для пониманія всѣхъ образованныхъ людей *по формѣ*. У насъ нѣтъ еще своего философскаго языка: не только философскіе термины наши почти все иностранные, но и общее построеніе философской рѣчи у русскихъ писателей иногда не русское. Конечно философскій языкъ народа создается вѣками упорной работы мысли; однако и современное поколѣніе русскихъ мыслителей должно стремиться принять участіе въ этой обширной работѣ національнаго творчества.

Таковы тѣ затрудненія, которыя мы встрѣтимъ при выпол-

*) См. наприм. статью нашу въ „Русск. Вѣдом.“ отъ 23 октября 1889 г. (№ 263).

неніи нашей задачи со стороны формы. Что касается до *содержанія*, то тутъ трудности будутъ еще значительнѣе.

Мы сказали, что до сихъ поръ русскіе мыслящіе люди жили большею частью тѣми или другими ученіями и направленіями западно-европейской философіи. Въ концѣ прошлаго вѣка и въ началѣ нынѣшняго у насъ преимущественно господствовала *французская* философія. Вольтеръ, Дидро, Гольбахъ, Гелвецій, Руссо: вотъ кому поклонялись и кого изучали наши прадѣды. Затѣмъ слѣдовалъ періодъ увлеченія *нѣмецкою* философіей, — съ 20-хъ годовъ нынѣшняго вѣка быстро распространяется у насъ вліяніе германскихъ идеалистовъ, особенно Фихте и Шеллинга; съ конца тридцатыхъ совершается переломъ въ пользу Гегеля; затѣмъ, чрезъ посредство Фейербаха, мы переходимъ къ доктринамъ нѣмецкихъ матеріалистовъ, и, наконецъ, реакція противъ крайностей этого направленія приводитъ насъ на короткое время къ увлеченію системами Шопенгауэра и Гартмана. Но еще съ 60-хъ годовъ начинается другое движеніе — въ пользу эмпирической философіи *англичанъ*: Дж. Ст. Милль и Спенсеръ и, параллельно съ ними, англійская опытная психологія, съ ея главнымъ представителемъ Бэномъ, овладѣваютъ вниманіемъ значительной части русскаго общества. Милль и Спенсеръ въ свою очередь ведутъ насъ къ увлеченію Ог. Контомъ и позитивизмомъ, а затѣмъ и современной экспериментальной психологіей французовъ. Такимъ образомъ, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ вліянія философскихъ направленій Запада все болѣе и болѣе перекрещиваются и перепутываются. Еще въ концѣ семидесятыхъ годовъ у насъ были ревностные и несогласные ни на какіе компромиссы поклонники ученій Конта, Дж. Ст. Милля, Спенсера, Шопенгауэра и Гартмана.

Въ настоящее время трудно сказать, какія вліянія у насъ преобладаютъ. Склоняясь въ большей или меньшей степени въ пользу того или другого направленія западной философіи, или по своему комбинируя эти направленія, русскіе интеллигентные люди стали говорить объ отвлеченныхъ вопросахъ столь различными словами и оборотами рѣчи, что почти не-

рестали понимать другъ друга. Къ счастію, еще въ 70-хъ-же годахъ начинаются у насъ и первыя попытки самостоятельной критики и собственныхъ философскихъ построений. Достаточно напомнить читателю всѣмъ извѣстные труды Вл. С. Соловьева, Б. Н. Чичерина, Н. Н. Страхова, А. А. Козлова. Съ начала 80-хъ годовъ число самостоятельныхъ попытокъ освѣщенія и усиленнаго разрѣшенія различныхъ философскихъ вопросовъ быстро возрастаетъ; молодежь въ университетахъ все болѣе и болѣе охотно сосредоточивается на спеціальномъ изученіи философіи; и нынѣ число молодыхъ работниковъ на поприщѣ философіи на столько умножилось, что почти въ каждомъ русскомъ университетѣ имѣется по нѣскольку преподавателей этой группы наукъ. Это конечно фактъ чисто-внѣшняго свойства, но въ немъ есть и признаки внутренняго движенія, совершающагося въ нашемъ обществѣ. Самое существенное то, что во вновь появляющихся у насъ философскихъ трудахъ все болѣе и болѣе замѣчается стремленіе къ самостоятельности, идущее рука объ руку съ болѣе строгимъ критическимъ отношеніемъ къ западнымъ авторитетамъ.

Спеціально въ Москвѣ значительную поддержку развитію серьезныхъ философскихъ интересовъ въ обществѣ оказало основанное проф. Московскаго университета М. М. Троицкимъ въ 1885 году Психологическое Общество. Если принять во вниманіе интересъ, который проявляетъ къ его дѣятельности московская публика, а также тотъ фактъ, что Психологическое Общество въ послѣдніе годы занималось не только спеціально психологическими изслѣдованіями, но и вопросами болѣе широкаго философскаго характера, то нельзя не прийти къ заключенію, что потребность въ философскомъ освѣщеніи вопросовъ жизни дѣйствительно все болѣе и болѣе распространяется у насъ среди образованныхъ людей. Этому широкому распространенію философскихъ интересовъ въ нашемъ обществѣ весьма сильно помочь, безъ сомнѣнія, и одинъ изъ великихъ нашихъ художниковъ, выступившій съ новымъ ученіемъ о жизни и о нравственныхъ задачахъ человѣка. Можетъ-быть, ни одинъ изъ спеціалистовъ такъ сильно не содѣй-

ствовалъ пробужденію въ русскомъ обществѣ философскаго духа, какъ содѣйствовалъ этому косвенно гр. Л. Н. Толстой. Мы не намѣрены устанавливать какой-либо приговоръ объ его воззрѣніяхъ, да для этого и не наступила еще пора. Но для насъ несомнѣнно одно, что глубокіе вопросы о жизни, вновь поднятые или новымъ образомъ поставленные нашимъ художникомъ-мыслителемъ, могутъ быть серьезно и основательно выяснены и разрѣшены только на почвѣ новой всесторонней критики общихъ философскихъ вопросовъ. Непосредственное обращеніе къ чувству и къ здравому смыслу можетъ оказать могущественную поддержку въ дѣлѣ пробужденія философской пытливости, но полное удовлетвореніе этой послѣдней возможно лишь на почвѣ строгой провѣрки разумомъ влеченій сердца и выводовъ здраваго смысла.

Такимъ образомъ, нашъ журналъ обязанъ содѣйствовать хотя въ нѣкоторой степени, упорядоченію и направленію въ должномъ критическомъ смыслѣ тѣхъ стремленій къ самостоятельному пересмотру вопросовъ жизни, какіе съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ формахъ проявляются въ нашемъ обществѣ.

Для этого лучшій путь и самое надежное средство—пригласить къ работѣ именно *всѣхъ* тѣхъ носителей этихъ новыхъ стремленій, какіе у насъ имѣются, что мы и сдѣлали. Такъ какъ у насъ еще нѣтъ ни одного вполне выработаннаго философскаго ученія, то надо предоставить просторъ для развитія такового или таковыхъ, не предрѣшая конечнаго исхода этой работы. Пусть представитель каждаго самостоятельнаго философскаго воззрѣнія отстаиваетъ свои взгляды, по мѣрѣ своихъ силъ и по мѣрѣ интереса, который онъ находитъ въ такой задачѣ.

Одно ограниченіе необходимо—и будетъ нами соблюдаться,—а именно, чтобы всѣ убѣжденія проводились съ надлежащимъ знаніемъ и подготовкою, — знаніемъ прошлой исторіи мысли человечества и современнаго положенія науки. Дѣло идетъ не о выраженіи мнѣній и добрыхъ желаній, а о строгой логической работѣ мышленія, умѣющаго себя отстаивать и не